

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S032120680007283-5

Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня

О.В. Приходько

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096>. e-mail: olegvladim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.07.2019.

Резюме: Среди политиков и экспертов по обе стороны Атлантики практически не вызывает разногласий то, что с избранием Д. Трампа президентом США в 2016 г. трансатлантические отношения вступили в очень сложный период своей истории. Споры идут вокруг того, насколько глубоко проявившиеся противоречия между США и Европой, как долго продлится нынешний кризис и каковы будут его последствия. Взгляды Д. Трампа на отношения с Европой (ЕС) практически не изменились с тех пор, как он пришёл в Белый дом. Они оказывают дезинтеграционное влияние на трансатлантические отношения. В их основе лежит стремление максимально ослабить ЕС как конкурента Соединённых Штатов. Политика нынешней администрации ведёт к размыванию трансатлантического консенсуса, тех основополагающих принципов и ценностей, которые США и (Западная) Европа отстаивали в течение семи десятилетий. В наименьшей степени она сказалась на НАТО, которая пользуется широкой поддержкой в американской политической элите, в том числе в Конгрессе. Итоги президентских выборов в США, которые должны состояться в 2020 г., во многом определяют характер трансатлантических отношений на обозримую перспективу. Они помогут внести больше ясности в вопрос: затянется ли нынешний кризис или возобладает стремление к компромиссным решениям?

Ключевые слова: США, администрация Д. Трампа, европейская интеграция, НАТО, ЕС, союзники, трансатлантические отношения

Для цитирования: О.В. Приходько. Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019; 49(11):5-19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5

D. Trump's Euro-Atlantic policy: main features of the current agenda

Oleg V. Prikhodko

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096> e-mail: olegvladim@yandex.ru

Received 17.07.2019.

Abstract: There are actually no disagreements among politicians and scholars on both sides of the Atlantic that Donald Trump's win in the presidential election of 2016 ushered in a troublesome period of unprecedented tension in the transatlantic relationship. Major controversies revolve around such questions as how deep are divergences between the current U.S. administration and Europe (the EU), how long will the crisis last, and what complications it could bring about. Trump's views on how to deal with Europe (the EU) stem from his underlying motive to weaken the EU as a competitor of the United States, and as such they couldn't but have a divisive effect on the transatlantic relationship, although security domain remains the least affected. The attitude of the 45th President towards NATO has energized decades-long discussions about burden-sharing in the alliance and propelled a new round of disputes between his proponents and opponents about U.S. security commitments abroad, particularly in Europe. The policies of the current U.S. administration erode the founding principles and values on which the Atlantic solidarity has been based for seventy years.

Keywords: the United States, the Trump administration, European integration, NATO, the EU, allies, transatlantic relationship.

For citation: O.V. Prikhodko. D. Trump's Euro-Atlantic policy: main features of the current agenda. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019; 49(11): 5-19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5

ВВЕДЕНИЕ

В истории трансатлантических отношений случались кризисы, но они носили кратковременный характер и не влекли необратимых последствий. С избранием в 2016 г. Д. Трампа президентом США трансатлантические отношения вступили в сложный период своей истории. В президентство Д. Трампа обнаружились фундаментальные политико-идеологические различия во взглядах США и Европы на основы мирового порядка. Подход Д. Трампа к отношениям с Европой во многом расходится с тем, что Вашингтон постулировал на протяжении почти 70 лет. В основе нынешнего кризиса лежит конфликт европейского неоллиберализма и «трамповской версии» ценностей и принципов американского консерватизма. Для ЕС переход США к «консервативной» модели американской гегемонии ставит под вопрос приемлемость американского лидерства в мировых делах.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА

Внешнеполитическая философия президента Д. Трампа, нашедшая отражение в его программных выступлениях – в ежегодных посланиях Конгрессу, в речи на Генассамблее ООН в сентябре 2018 г. – и проявляющаяся в практических шагах администрации, предстаёт антитезой идее либерализма и глобализма,

которые господствовали на высшем политическом уровне в США в последние десятилетия. В её основе лежит отрицание принципов либерального миропорядка – тех идейных постулатов, которые Вашингтон отстаивал с окончания Второй мировой войны и распространению которых он всемерно содействовал на протяжении 70 лет. Центральное место в идеологических воззрениях Трампа занимают такие ценности, как суверенитет, патриотизм и национальный капитал. Однако его видение суверенитета не предполагает равноправия и равенства государств, а патриотизм в его понимании означает верховенство интересов США над интересами других стран.

Во внешней политике Д. Трамп исходит в первую очередь из конкурентной природы международных отношений, где, по его мнению, могут быть лишь победители и побеждённые. В период однополярности, наступивший с окончанием холодной войны, предпочтения Вашингтона, по крайней мере на уровне публичных деклараций, были направлены на формирование партнёрств с ведущими государствами в стратегически важных регионах мира, но на условиях безусловного главенства США, которые позиционировали себя в роли мирового арбитра. Однако в президентство Б. Обамы произошёл крах политики «перезагрузки» российско-американских отношений, и мир стал постепенно погружаться в эпоху «холодной войны 2.0», которая по ряду параметров приобретает, возможно, более ожесточённый и менее управляемый характер, чем была предыдущая версия холодной войны в XX веке. Д. Трамп полагает, что изменившаяся ситуация требует иной модели американского доминирования в мире. По его убеждению, обострение глобального соперничества диктует необходимость обновления стратегического подхода США к отношениям не только с противниками, но и с теми, кто связан с Вашингтоном союзническими обязательствами. Подобный настрой определяет предрасположенность нынешней администрации к жёстким шагам в продвижении американских интересов и ведению переговоров с позиции силы даже с ближайшими партнёрами – Мексикой, Канадой, ЕС, Японией, Южной Кореей, не говоря уже о геополитических соперниках – России и Китае. Д. Трамп убеждён, что новые исторические условия предъявляют более жёсткие требования к союзникам, которые должны приносить гораздо больше пользы политике США.

Д. Трамп стал первым американским президентом, который не только подверг сомнению некоторые базовые постулаты и институты мироустройства, сложившиеся во второй половине XX века, но и де-факто отрёкся от них, указав на их несоответствие сегодняшним интересам США. Некоторые его предшественники из числа республиканцев тоже отметились похожей критикой, пусть и в менее резкой форме, но они всё-таки не покушались на основы либерального миропорядка. 45-й президент бескомпромиссен в своём неприятии глобалистской модели развития, которая, по его мнению, ущемляет экономический суверенитет США, ослабляет их индустриальную базу, подталкивая американские компании раз-

мещать производства в странах с более дешёвой рабочей силой. Многие решения нынешней администрации, несомненно, пронизаны мотивами антиглобализма и протекционизма.

Более того, Д. Трамп не скрывает своего скептического отношения к международным организациям и пактам, в том числе НАТО. Он порой пренебрежительно отзываясь о союзниках, когда не обременён формальностями официальных мероприятий, и это находило отражение на его страничке в Твиттере (*Twitter*). Президент полагает, что союзники с их иждивенческим поведением – это бремя для Соединённых Штатов, так как они, по его мнению, берут у Америки больше, чем дают ей. Однако большинство американской политической элиты критикует такой «бухгалтерский» подход, обвиняя президента в отсутствии стратегического видения и в угрозе развала атлантической солидарности. Попытки Д. Трампа привлечь НАТО к более активному участию в борьбе с силами международного терроризма на Ближнем Востоке (в Ираке, Сирии и Афганистане) не увенчались успехом, что ещё больше усилило его скепсис по поводу практической ценности Североатлантического альянса.

Вместе с тем, встречающееся у некоторых политологов утверждение о «внесистемности» Д. Трампа сильно преувеличено. 45-й президент является выразителем, пусть и в более концентрированном виде, тех тенденций, что давно вызревали в кругах американского политического класса, которые ассоциируют себя с Республиканской партией. Социологический опрос, проведённый в июле 2018 г. Чикагским советом по глобальным вопросам, показал, что внешнеполитическая повестка нынешнего главы Белого дома и его приоритеты в целом отражают мнение большинства избирателей, которые голосуют за республиканских кандидатов на федеральных и местных выборах. Так, защиту безопасности союзников *как одну из целей американской внешней политики* одобряют лишь 38% республиканцев (среди демократов таких значительно больше – 53%) [1]. А ведь Д. Трамп очень резко разошёлся по этому вопросу с укоренившимися в американском истеблишменте представлениями, не раз угрожая (правда, не на официальном уровне, а в кругу своих советников) вывести США из НАТО или, по крайней мере, приостановить участие страны в альянсе, пока европейские союзники не выполнят американские условия. Соединённые Штаты расходуют на оборону 3,2% ВВП, и американскому президенту непонятно, почему зажиточные европейские страны выделяют средств гораздо меньше согласованного показателя в 2% ВВП [2]. Ответ для себя он находит в стремлении европейцев пожить за счёт американского налогоплательщика.

Однако «фрондёрство» Д. Трампа, конфликт его взглядов с воззрениями американского истеблишмента всё же имеют свои жёсткие границы. Внешняя политика президента не выходит за рамки тех оценок стратегического баланса сил в мире, которые доминируют в политической элите страны, и они чёт-

ко прописаны в последней версии «Стратегии национальной безопасности США» (декабрь 2017 г.). В этом документе Россия и Китай определены как наиболее серьёзные угрозы для безопасности и процветания США, для их международных позиций, интересов, силы и влияния [3]. В выпущенном администрацией «Обзоре ядерной политики 2018 г.» (*Nuclear Posture Review 2018*) РФ и КНР обвиняются в попытках изменить миропорядок, сложившийся после окончания холодной войны. Упомянутая в этом документе возможность создания ядерных зарядов малой и сверхмалой мощности указывает на то, что составители «Обзора» допускают ограниченное применение ядерного оружия. Однако некоторые западные эксперты сомневаются, что эта мера предназначена для Европы. Так, М. Харрис из Международного института стратегических исследований (Лондон) полагает, что натовский альянс столкнулся бы в первую очередь с проблемой политического характера в сценарии ограниченного конвенционального конфликта на востоке Европы, где ядерное оружие не может рассматриваться как инструмент реального применения [Harries M., 2018: 56].

Особенностью подхода Д. Трампа к международным делам, в том числе к отношениям с Европой, является необычно активное использование различных средств воздействия, в первую очередь угрозы санкций и повышения пошлин, для достижения целей, которые продиктованы интересами развития национальной экономики. И раньше американские президенты в своей внешнеполитической деятельности придавали большое значение решению экономических задач, например, снижению зависимости страны от нефтяного импорта, и выступали в поддержку национального капитала в международных делах, воздействуя на конкурентов внерыночными методами. Однако в политике нынешнего главы Белого дома эта черта приобрела особенно акцентированный характер, нередко становясь определяющим фактором. Президент просто одержим идеей исправления «несправедливостей» в торгово-экономической сфере, которые, по его мнению, США терпели от других государств многие годы.

Указ Д. Трампа «Покупай американское, нанимай американцев», подписанный в апреле 2017 г. и дополненный в январе 2019 г., во многом созвучен закону 1933 г. «Покупай американское» (*Buy American Act*), который олицетворяет американский протекционизм. Более того, своей директивой в июле нынешнего года президент ужесточил требования упомянутого закона. Все эти шаги направлены на усиление правового режима защиты американского рынка, ещё больше сокращая и без того скромные возможности иностранных компаний участвовать в госзакупках на территории США. Эти ограничения в полной мере относятся и к европейским партнёрам Соединённых Штатов.

АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ТРАМПА И ЕВРОСОЮЗ: ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО КУРСА?

Практическая реализация концептуальных установок Белого дома во многом определяется действиями ближайшего окружения Д. Трампа. Тон во внешнеполитической команде президента задают сторонники жёсткой линии, в первую очередь помощник президента по национальной безопасности Дж. Болтон (10 сентября был уволен президентом) и госсекретарь М. Помпео, которых западные политологи причисляют к «ястребам». Для этих политиков отношения США с европейскими союзниками не представляют самоценности, а являются производными от американских интересов. Евросоюз воспринимается ими как помеха американским планам, когда он показывает свою строптивость. *«Ястребы» были практически во всех администрациях США после Второй мировой войны, но далеко не во всех из них они пользовались столь большим влиянием в определении американских приоритетов, в том числе на европейском направлении внешней политики.*

Подход Д. Трампа к отношениям с европейскими союзниками идёт вразрез с традициями атлантической солидарности. Эти отношения не воспринимаются им как ценный внешнеполитический актив США, что противоречит устоявшимся представлениям американского истеблишмента. Д. Трамп считает, что Европа должна добиваться лояльности США, а не наоборот. Он не рассматривает объединение европейских стран вокруг ЕС как позитивное явление для американских национальных интересов, а ведь содействие интеграционному процессу считалось одним из ключевых постулатов политики Соединённых Штатов в Европе после окончания холодной войны. С его точки зрения, европейская интеграция служит Германии и Франции инструментом конкурентной борьбы с США. Разрыхление ЕС или даже его распад в понимании нынешней администрации вовсе не стали бы потерей для американской политики. Как отмечают политологи Э. Джоунс и А. Менон, ссылаясь на мнение своего коллеги С. Слоуна, «там, где администрация Б. Обамы выступала в роли заинтересованного наблюдателя, администрация Д. Трампа проявляет разрушительную активность, часто прямо и открыто бросая вызов европейскому единству». Они полагают, что «администрация Д. Трампа намерена разжигать национальные амбиции шотландских сепаратистов и опасения североирландцев, язвительно комментируя стратегию Т. Мэй, которая пыталась договориться с ЕС, и давая понять, что Вашингтон предпочёл бы видеть дальнейшее размежевание в Европе» [Jones E., Menon A., 2019: 178].

Воззрениям нынешней администрации отвечает разобщённая, а не объединённая Европа. Вашингтон не скрывает своих предпочтений в пользу договорённостей с каждой европейской страной в отдельности и стремится избегать многосторонних соглашений, которые вынуждали бы США идти на более существенные уступки по сравнению с двусторонним форматом. Возможный провал

европейской интеграции раньше всегда рассматривался в Вашингтоне как серьёзная угроза с потенциально негативными последствиями для американских интересов. Именно поэтому в президентство Б. Обамы США с тревогой следили за нарастанием кризисных тенденций в ЕС – от надвигающегося долгового коллапса в Греции и балансирования ряда стран (Кипра, Италии, Испании) на грани банковско-финансового фиаско до противостояния восточноевропейских государств с Брюсселем по миграционной проблеме. Вашингтон призывал Германию и её партнёров к более решительным шагам по нейтрализации дезинтеграционных импульсов.

Д. Трамп, наоборот, приветствовал брексит как выражение свободного волеизъявления британцев. Касаясь этой темы, он как-то заметил, что не будет горевать в случае новых «брекситов» в Евросоюзе. Ослабление связей Великобритании с континентальной Европой приветствуется американским президентом, пообещавшим без проволочек заключить с Лондоном двустороннее соглашение о свободной торговле после того, как будет осуществлён его выход из Европы. Белый дом позитивно воспринял успех «евроскептиков» на состоявшихся в мае 2019 г. выборах в Европарламент. В этом голосовании кандидаты от европессимистских и популистских партий (объединений) заняли первое место в четырёх из шести самых крупных странах ЕС – во Франции, Великобритании, Италии и Польше. «Евроскептики» увеличили своё представительство в законодательном органе ЕС, сделав ставку в предвыборной программе на защиту национального суверенитета от брюссельской бюрократии, а это как раз то, что созвучно политическому мировоззрению Д. Трампа. Расклад сил в Европарламенте имеет значение для Вашингтона и с практической точки зрения, ведь торговое соглашение между США и ЕС, по которому ведутся переговоры, не сможет вступить в силу без его одобрения законодательным органом объединённой Европы. Вето европейских парламентариев, которые посчитают, что Брюссель пошёл на слишком большие уступки Вашингтону, может в итоге перечеркнуть усилия американской дипломатии.

В политике нынешней администрации на европейском направлении просматриваются подходы и мотивы, схожие с теми, что были присущи администрации Дж. Буша-младшего (2001–2009 гг.), которая была склонна рассматривать международные проблемы в дихотомическом ключе и стала следовать принципу «разделяй и властвуй», столкнувшись с оппозицией своим планам военного вторжения в Ирак со стороны ряда ведущих западноевропейских государств в 2003 году.

Вместе с тем, идейно-политическая напряжённость в трансатлантических отношениях не отменяет тесного сотрудничества США по вопросам внешней политики и безопасности с теми или иными европейскими государствами, где администрация Д. Трампа видит преимущества такого взаимодействия для американских интересов. Так, США оказывают помощь Франции в борьбе с террористическими группировками в ряде африканских государств, несмотря

на то что по многим вопросам (международная торговля, соглашения по иранской ядерной программе и об ограничении парниковых выбросов) их разделяют принципиальные разногласия. По мнению датского политолога Г. Ольсена, французские стратеги вынуждены признать, что без американской поддержки возможности Франции проводить антитеррористические операции в Африке будут сильно ограничены, если вообще осуществимы, а для США подобная активность Парижа тоже выгодна, так как избавляет их от необходимости направлять свои наземные силы для решения этих задач [Olsen Gorm R., 2018: 42].

Курс администрации Д. Трампа на европейском направлении является вполне последовательным с точки зрения продвижения американских интересов, как их видит 45-й президент США. В то же время этот курс содержит в себе некоторые существенные элементы, противоречащие подходу, которого США придерживались в отношении Европы на протяжении предыдущих десятилетий. Однако по многим его аспектам можно найти аналогии в истории американской внешней политики и видеть здесь новаторство Д. Трампа можно лишь с большой долей условности.

МОЖЕТ ЛИ НАТО ПОВТОРИТЬ СУДЬБУ НАФТА?

Традиционно важное место в европейской политике США занимают связи с союзниками по НАТО. Д. Трамп больше публично не говорит о том, что атлантический альянс устарел, хотя сам, возможно, по-прежнему так считает. Однако с неослабевающей настойчивостью он требует от союзников увеличения военных расходов. Президент заявляет, что нынешнее положение, когда львиная доля оборонных затрат НАТО приходится на США, несправедливо по отношению к американским налогоплательщикам, но для многих в американской правящей элите военно-политический союз с Европой является «священной коровой», чем-то сакральным, что не подлежит пересмотру. Большинство американских политиков и экспертов продолжают полагать, что преимущества союзнических отношений с Европой перевешивают издержки и расходы, связанные с обязательствами страны в НАТО. В их понимании подход Д. Трампа является очевидной абберацией евроатлантической политики, которой США следовали с окончания Второй мировой войны.

Союзнический аспект взаимоотношений США и Европы с приходом администрации Д. Трампа стал предметом острых политических споров по обе стороны Атлантики. Американские политологи, стремящиеся доказать преимущества участия США в натовском альянсе, полагают, что «нахлебничество» союзников – естественная черта, а не врождённый дефект или приобретённый порок этой организации коллективной обороны, созданной Соединёнными Штатами. Разве нужно США, чтобы Германия и Япония были самостоятельны в военном отношении и приобрели статус ядерных держав, что с технической точки зре-

ния для этих стран не составляет большой проблемы, – задают они вопрос, отрицательный ответ на который представляется им очевидным. По мнению американских апологетов НАТО, неоправданно проводить параллели между военными расходами США и союзников, учитывая различия в структуре, целях и задачах их вооружённых сил, а также американские затраты на военные операции в Ираке, Афганистане, Сирии. Однако и они признают, что недофинансирование обороны европейскими странами снижает возможности союзников как боеспособной силы, особенно при проведении военных операций за пределами зоны договорной ответственности НАТО.

С 2015 г. европейские члены альянса начали наращивать свои военные бюджеты, пусть и не такими быстрыми темпами, как того требуют США. Некоторые западные эксперты полагают, что в увеличении оборонных бюджетов союзников главную роль сыграло изменение ситуации в сфере безопасности, в первую очередь усиление противостояния НАТО с Россией, а не давление президента Д. Трампа. Они замечают, что в большей пропорции военные расходы возросли в странах Северной и Восточной Европы (в среднем на 5,5%), в меньшей – на юге и западе Европейского региона (2,5%) [Béraud-Sudreau L., Giegerich B, 2018: 60]. Эти показатели подтверждают, что немаловажную роль здесь сыграли различия в восприятии внешних угроз, а также экономический фактор – после кризиса еврозоны 2011–2012 гг. и последовавшей стагнации началось улучшение ситуации в экономике ЕС, но этот процесс протекает неравномерно по странам.

Американские претензии к союзникам не сводятся к вопросу о дисбалансе в распределении финансового бремени в НАТО. Споры ведутся и по другим вопросам отношений в сфере обороны. Ведущие эксперты Международного института стратегических исследований (Лондон) Л. Бери-Сюдру и Б. Жигерих отмечают: заявления НАТО о том, что альянс анализирует угрозы безопасности «по всем азимутам», призваны сгладить расхождения между союзниками в оценке угроз и различия в национальных приоритетах [Béraud-Sudreau L., Giegerich B, 2018: 55]. Существенные расхождения между США и европейскими странами обнаруживаются и в вопросе о том, как совместить защиту личных данных в киберпространстве и государственные интересы по контролю в сфере информационной безопасности. Трансатлантические различия в подходах к этой актуальной проблеме наступающей цифровой эпохи, по мнению американского политолога Т. Шарпа, «делают НАТО более уязвимой для враждебных киберопераций, направленных на провоцирование политических распрей между союзниками, а это снижает их готовность к совместным действиям» [Sharp T., 2018-2019: 50.].

Военная кампания НАТО в Афганистане показала, что многие европейские союзники, действуя формально в соответствии со своими обязательствами, самостоятельно определяли, когда, где и в каком формате их военные контингенты готовы принимать непосредственное участие в боевых действиях. В ре-

зультате, за исключением британских и австралийских подразделений, другие члены коалиции практически не участвовали вместе с США в крупных боестолкновениях с талибами. Схожая ситуация наблюдалась и во время войны с «Исламским государством» в Сирии и Ираке, когда из-за опасений европейских союзников альянс воздержался от участия непосредственно в боевых действиях против этой террористической группировки, несмотря на сигналы администрации Д. Трампа, что она ожидает более существенного вклада со стороны НАТО.

Разочаровывающий США опыт европейского участия в военных кампаниях НАТО в XXI веке, где практическая полезность альянса оказалась весьма ограниченной, далекой от того, что Вашингтон хотел от него получить, изменение глобального баланса сил и революция в военных технологиях – всё это подталкивает США к переосмыслению роли союзников. В 2018 г., когда обострились политические трения между Вашингтоном и Берлином, в американских СМИ появились сообщения, что Д. Трамп отдал распоряжение Министерству обороны изучить возможность перебазирования в другие страны значительной части 35-тысячного американского военного контингента, размещённого на территории Германии. И хотя Минобороны утверждало, что этот вопрос является частью обычного процесса военного планирования, подобные указания Белого дома были просто немыслимы в эпоху холодной войны.

Это дискуссионный вопрос, но, как представляется, если бы Д. Трамп не был в эпицентре острейшей внутривластной борьбы в США и мог заручиться необходимой поддержкой в Конгрессе, он, скорее всего, проделал бы с Договором о НАТО примерно то же самое, что сделал с Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА), из которого США вышли и заключили в ноябре 2018 г. новое соглашение с его участниками на более выгодных для себя условиях (ЮСМКА – *The United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA*). Это решение президента встретило некоторое сопротивление в Конгрессе, но не столь мощное, чтобы его заблокировать. По нашему мнению, Д. Трамп, имея он такую возможность, перезаключил бы договор США с европейскими государствами о взаимной обороне на иных условиях, где американские гарантии были бы увязаны с выполнением союзниками определённых требований, возможно, включая и те, что не относятся непосредственно к сфере безопасности.

Можно предположить, что если бы по каким-либо причинам Североатлантический альянс, созданный в 1949 г., прекратил своё существование, США сохранили бы значительный масштаб своего военного присутствия в Европе, скорее всего в другой конфигурации, вероятно, более опасной для России – в смысле его географической концентрации ближе к российским границам и ещё вероятнее, что на иной политико-правовой основе – в виде совокупности *двусторонних* договоров по взаимной обороне с отдельными европейскими государ-

ствами, учитывая большие сложности в достижении консенсусного согласия по «новой НАТО». В этом случае США почти наверняка сохранили бы базы и объекты военной инфраструктуры в Польше, Румынии, Великобритании, Германии (пусть и в меньшем объёме), Италии, Дании, Португалии и в некоторых других европейских странах.

В ответе на вопрос, может ли НАТО повторить судьбу НАФТА, принципиальное значение имеет позиция Конгресса. В годы президентства Д. Трампа законодательная власть проявила небывалую активность по защите альянса от возможных деструктивных действий администрации. Внесённый в феврале 2019 г. в Конгресс обновлённый вариант законопроекта «О защите американской безопасности от агрессии Кремля» (*Defending American Security from Kremlin Aggression Act – DASKA*) содержит положение о несогласии Сената с возможными шагами президента по выходу США из Североатлантического пакта. В этом документе, в частности, сказано, что прекращение членства США в НАТО возможно только в том случае, если за это решение проголосуют две трети сенаторов. Другой законопроект – «Акт о поддержке НАТО» (*NATO Support Act*), одобренный в январе 2019 г. Палатой представителей и переданный в Сенат, содержит запрет на использование правительством любых средств, которые могли бы потребоваться в связи с потенциальным решением президента о выходе США из альянса. Похожие положения содержатся и в ряде резолюций, одобренных палатами Конгресса. Однако опасения американских законодателей являются преувеличенными.

После того как по итогам промежуточных выборов 2018 г. в Конгресс демократы получили большинство мест в Палате представителей, даже теоретические возможности Д. Трампа пересмотреть американские обязательства в отношении НАТО ещё больше сократились. Получив «власть кошелька», демократы-законодатели имеют теперь возможность финансово блокировать подобные президентские инициативы, даже не обращая за поддержкой к своим единомышленникам в лагере республиканцев. Демонстрируя своё отношение к НАТО, руководители законодательной власти – спикер Палаты представителей Н. Пелоси и лидер республиканского большинства в Сенате М. Макконнелл пригласили генсека альянса Й. Столтенберга выступить с речью на совместном заседании двух палат Конгресса в 70-летнюю годовщину создания Североатлантического пакта. Выступление натовского генсека в Капитолии 3 апреля 2019 г. стало *первым* подобным событием за всю многолетнюю историю альянса.

Резюмируя, можно заключить, что в силу системных ограничений Д. Трамп не может переформатировать отношения США с НАТО на новой основе, даже если бы он решился предпринять такой шаг. Эти ограничители, встроенные в государственный механизм, направлены на то, чтобы обеспечить преемственность во внешнеполитической стратегии американского государства, независимо от того, какая администрация находится у власти и какие идеи рождают-

ся в Белом доме. В своей евроатлантической политике Д. Трамп вынужден следовать, желая этого или нет, некоторым базисным установкам и программам, которые достались ему от предшественников: продолжает наращиваться американское военное присутствие в Европе, осуществляется программа модернизации тактического ядерного оружия США в регионе, проводится по графику развёртывание элементов американской системы ПРО в Восточной Европе; в странах Балтии и Польше завершено размещение частей американской бронетанковой дивизии в соответствии с решением, объявленным Б. Обамой в 2016 году.

Более того, укрепление американского военного присутствия в Восточной Европе происходит в гораздо большем объёме, чем это было при предыдущей администрации. В бюджете Минобороны на 2018 фин. г. расходы на эти цели были увеличены почти на 1,4 млрд долл. по сравнению с предшествующим годом, а на 2019 фин. г. запланирован их дальнейший рост ещё на 1,5 млрд [4]. Модернизация инфраструктуры американского военного присутствия и наращивание боевых возможностей вооружённых сил США в регионе, включая увеличение численности войск, осуществляются в соответствии с «Инициативой по укреплению потенциала сдерживания в Европе», ИУС (*European Deterrence Initiative – EDI*). Эти средства дополняют те, что ежегодно выделяются на обеспечение американских войск в Европе из основной части бюджета Минобороны. Программа ИУС стала реакцией США на украинские события 2014 г. Она предусматривает финансирование мероприятий по созданию новой и модернизации существующей инфраструктуры в Европе с целью улучшения способности американских и натовских сил быстрее выдвигаться в угрожаемые районы, а также на проведение военных учений и ротацию большего количества американских военных частей в регионе. Эта «инициатива» является частью усилий США и НАТО, направленных на укрепление потенциала силового сдерживания вероятного противника.

В бюджете МО на 2019 фин. г. на реализацию ИУС запланировано направить 6,3 млрд долл. Из этих средств предусматривается, в частности, израсходовать 171,3 млн на приобретение недвижимости и на строительство американских инфраструктурных объектов в Болгарии, Польше и Румынии; 214,6 млн – на эти же цели, но для нужд американских ВМС в Великобритании, Греции, Италии и Испании. Ассигнования на укрепление американского военного присутствия в Европе – одна из наиболее быстрорастущих статей военного бюджета США в последние годы (см. табл.), хотя на 2020 г. запрос администрации предусматривает её сокращение на 600 млн долл. [5] Это связано с планами Европейского командования США не наращивать в будущем году силы постоянного базирования в Европе, а направить больше средств на увеличение численности американских войск, прибывающих в регион на ротационной основе.

Таблица

Фин. г.	Сумма утверждённых расходов на ИУС, млрд долл.
2015	0,985
2016	0,789
2017	3,4
2018	4,8
2019	6,5
2020	5,9*

* Запрос администрации согласно предложенному бюджету Министерства обороны США на 2020 фин. г. с учётом ассигнований на «Инициативу по оказанию помощи Украине в сфере безопасности» (*Ukraine Security Assistance Initiative*).

Американские силы постоянного базирования в Европе включают в себя бронетанковую бригаду с приданными частями усиления, бригаду армейской авиации, батальон в составе натовских сил передового базирования, размещённых в Восточной Европе, а также самолёты *F-15C*, средства ведения разведки, слежения, обнаружения, патрулирования и обмена данными с союзниками по НАТО. Отдельные статьи расходов – улучшение военной инфраструктуры и логистики (аэродромы, объекты, используемые в целях противолодочной обороны, склады, коммуникации и т.д.), а также проведение совместных военных учений с союзниками.

На заседании Совета НАТО в Вашингтоне 4 апреля 2019 г. было принято решение об усилении военного присутствия альянса в Черноморском бассейне путём более частых заходов кораблей союзников в акваторию моря, более интенсивного режима воздушного патрулирования в этом районе и более масштабных учений, в том числе ВМС и частей Береговой охраны с региональными союзниками (Румынией, Болгарией, Турцией) и странами-партнёрами (Украиной и Грузией), улучшения обмена разведанными. В рамках мероприятий по укреплению восточного фланга альянса, по американскому предложению, решено выделить 260 млн долл. на создание склада для хранения большого запаса вооружений на авиабазе близ Повидза в центральной Польше с целью сократить время развёртывания прибывающих сил подкрепления в кризисной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уменьшение международного влияния и силового потенциала Европы по сравнению с поднимающимися новыми центрами притяжения в мире является долгосрочной тенденцией, которая ведёт к относительной девальвации ценности европейских союзников в глазах США, хотя Вашингтон едва ли когда-либо согласится открыто это признать. Тем не менее, значимость Европы, несмотря на растущее влияние Азиатско-Тихоокеанского региона, будет сохраняться для

США на обозримое будущее. Вашингтон использует отношения с европейскими союзниками в решении важнейших для него вопросов – от чисто военных задач в противостоянии с Россией в Европе и разнопланового давления на неё в прилегающих территориях до консолидации Запада в условиях меняющегося глобального баланса сил, чтобы противодействовать процессам, которые подрывают международные позиции США и американоцентричные элементы миропорядка. Поддержание эффективного потенциала проецирования силы и влияния в Европе, сохранение натовского альянса остаются важнейшими элементами преемственности в послевоенной американской стратегии, какими бы глубокими ни были разногласия между США и европейскими союзниками в конкретный период их взаимоотношений, и каких бы взглядов ни придерживался новый хозяин Белого дома.

ИСТОЧНИКИ

[1] 2018 Chicago Council Survey. Available at: https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/report_ccs18_america-engaged_181002.pdf (accessed 09.06.2019).

[2] These countries have the biggest military budgets as a percentage of GDP. *World Economic Forum*. 2 May 2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/05/the-biggest-military-budgets-as-a-percentage-of-gdp> (accessed 05.07.2019).

[3] National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 11.01.2019).

[4] Defense appropriations for fiscal year 2019. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-115hr5515enr/pdf/BILLS-115hr5515enr.pdf> (accessed 09.05.2019).

[5] U.S. Increases Commitment to Deterrence with EDI Request. Available at: <http://www.eucom.mil/media-library/article/36241/u-s-increases-commitment-to-deterrence-with-edi-request>; <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-115hr5515enr/pdf/BILLS-115hr5515enr.pdf> (accessed 01.05.2019); Defense Budget Overview. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller) Chief Financial Officer. March 2019. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2020/fy2020_Budget_Request_Overview_Book.pdf (accessed 01.05.2019).

REFERENCES

Béraud-Sudreau L., Giegerich B. 2018. NATO Defence Spending and European Threat Perceptions. *Survival*. August-September. Vol. 60. № 4. P. 53-74.

Biscop S. 2018. European Defence: Give PESCO a Chance. *Survival*. June-July. Vol. 60, №. 3. P. 161-180.

Daalder Ivo H., Lindsay James M. 2018. America's Allies Must Step Up as America Steps Down. *Foreign Affairs*. November-December. Vol. 97. № 6. P. 72-83.

Harries M. 2018. A Nervous Nuclear Posture Review. *Survival*. April – May 2018. Vol. 60. № 2. P. 55-57.

Jones E., Menon A. 2019. Europe: between dream and reality? *International Affairs*. January 2019. Vol. 95. № 1. P. 161-180.

Olsen Gorm R. 2018. Transatlantic cooperation on terrorism and Islamist radicalisation in Africa: the Franco-American axis. *European Security*. January. Vol. 27. № 1. P. 41-57.

Sharp T. 2018– 2019. Hiding in Plain Sight: Political Effects of Cyber Operations. *Survival*. December – January. Vol. 60. № 6. P. 45-53.

Информация об авторе / Information about the Author

Приходько Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

Oleg V. Prikhodko, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khelbny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation